

Каузальный мотив и его юридическое значение в договорном праве

Д. С. Петрова

Для цитирования: Петрова Д. С. Каузальный мотив и его юридическое значение в договорном праве // Правоведение. 2020. Т. 64, № 3. С. 373–399. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.304>

В статье анализируется проблематика мотивов вступления в договор и их юридического значения. Автор последовательно исследует вопрос о влиянии ошибки в мотиве на судьбу сделки в немецком праве, а равно в российской правовой системе. В немецком праве ошибка в свойствах лица или вещи рассматривается отдельными учеными как ошибка в мотиве, что свидетельствует о наличии у такой ошибки в мотиве правового значения. В российском праве, кроме ошибки в предмете, в качестве ошибки в мотиве выступает заблуждение в отношении обстоятельства, которое сторона упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку. Также в статье анализируются ситуации последующего неосуществления мотива сквозь призму национальных (немецкой и российской) доктрин влияния последующего изменения обстоятельств на судьбу сделки. Автор приходит к выводу о том, что критерием, который позволяет отграничить юридически значимый мотив от мотивов, не имеющих правового значения, выступает признак каузальности мотива. Каузальность мотива предполагает, что такой мотив послужил ключевым фактором, предопределившим решение заинтересованной стороны вступить в договор. Именно ошибка в каузальном мотиве или его последующее неосуществление отражаются на динамике заключенного договора и могут повлечь эффективное оспаривание или прекращение (изменение) договора соответственно. Автор также проводит сравнительный анализ последствий неосуществления мотива в континентальном праве с английской доктриной *frustration of purpose* (доктриной отпадения цели договора). В английском праве неосуществление мотива в рамках данной концепции приводит к автоматическому прекращению договора. На основе проведенного исследования автор заключает, что общим для континентального и английского права критерием, придающим юридическое значение ошибке в мотиве или неосуществлению последнего, является признак каузальности мотива.

Ключевые слова: договор, договорные обязательства, мотив, заблуждение, ошибка в мотиве, изменение обстоятельств, прекращение договора, изменение договора.

Введение

Вопрос о мотиве и его значении применительно к действительности сделки представляет собой важную составляющую общего учения о сделках в гражданском праве. Вместе с тем, как правило, исследование данной проблематики в российском праве преимущественно ограничивается лишь указанием на то, что заблуждение в мотиве не имеет правового значения в части юридической судьбы сделки¹.

Петрова Дарья Сергеевна — частнопрактикующий юрист, Российская Федерация, 196158, Санкт-Петербург, Дунайский пр., 14; petrova_d_s@mail.ru

¹ См., напр.: *Загоровский А.* Принуждение, ошибка и обман и их влияние на юридическую сделку // *Юридический вестник.* 1890. № 1. С. 12–13; *Законы гражданские. Книга вторая / сост. И. М. Тютрюмов; науч. ред. тома В. С. Ем. М.: Статут, 2004. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/34> (дата обращения: 26.08.2018).*

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Если проанализировать историческое развитие представлений о мотиве и его юридическом значении в рамках общего учения о сделках, то в континентальном праве исследование побудительных причин к вступлению в сделку традиционно осуществляется в рамках рассмотрения такого основания для оспаривания сделки, как заблуждение, и ошибка² в мотиве в таком случае противопоставляется ошибке в существенных элементах сделки³. Мотив рассматривается как элемент, не являющийся существенным для сделки, — только заблуждение в существенных элементах сделки может повлечь ее недействительность, именно поэтому правовое значение у ошибки в мотиве отсутствует⁴.

В рамках воззрений представителей естественно-правовой школы права происходили отдельные попытки придания мотивам вступления в договор юридического значения⁵. Однако в итоге благодаря экспансии пандектной доктрины возобладал общий принцип непризнания за мотивами какого-либо правового значения⁶, укоренившийся в доктрине гражданского права благодаря теоретическим разработкам Ф. К. фон Савиньи (Friedrich Carl von Savigny)⁷.

Вместе с тем в настоящее время, с нашей точки зрения, в рамках континентального права наблюдается отход от устоявшихся традиций, выражающийся в наделении в отдельных случаях мотивов вступления в договор правовым значением и установлении характеристик такого юридически небезразличного мотива. Указанная тенденция достаточно явно на законодательном уровне проявляется в нормах Германского гражданского уложения⁸ (далее — ГГУ), посвященных заблуждению (§ 119 ГГУ), а также нарушению основания сделки (§ 313 ГГУ). Более того, именно в немецком праве проблематика правового значения мотива является не только хорошо известной, но и наиболее доктринально проработанной, в том числе применительно к вопросу о последующем существенном изменении обстановки и его влиянии на силу договора.

² Подробнее о соотношении понятий «заблуждение» и «ошибка» см., напр.: *Зезекало А. Ю.* Заблуждение при совершении сделки. Томск: Издательство Томского университета, 2011. С. 6–12; *Растеряев Н.* Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная: догматическое исследование. СПб.: Общественная польза, 1900. С. 121–122. — См. также иную позицию, напр.: *Федько А. Г.* Недействительность сделок, совершенных под влиянием заблуждения // *Актуальные проблемы гражданского права: сб. работ выпускников Российской школы частного права 2009 г. М.: Статут, 2012. С. 98–100.* — В дальнейшем в рамках настоящего исследования термины «заблуждение» и «ошибка» будут рассматриваться как синонимы.

³ См., напр.: *Zimmermann R.* The law of obligations. Roman foundations of the civilian tradition. Cape Town: Juta & Co, Ltd., 1990. P. 597, 609–610, 614. — См. также: *Гордли Дж.* Ошибка при заключении договора // *Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 235–276; Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. С. 107–109.

⁴ См. также: *Полдников Д. Ю.* Договорные теории классического *ius commune* (XIII–XVI вв.). М.: Академия, 2011. С. 430–435.

⁵ Подробнее см.: *Зезекало А. Ю.* Заблуждение при совершении сделки. С. 149–151; *Zimmermann R.* The law of obligations. P. 612–613.

⁶ См. напр., абз. 2 ст. 24 Швейцарского обязательственного закона (Швейцарский обязательственный закон. Федеральный закон о дополнении Швейцарского гражданского кодекса (Часть пятая: Обязательственный закон) от 30.03.1911 (по состоянию на 01.03.2012). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 17). См. также комментарий к ст. II. –7:201: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference. P. 498. URL: https://www.ccebe.eu/NTCdocument/DCFRpdf1_1262861061.pdf (дата обращения: 05.10.2021).

⁷ *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права: в 8 т. Т. 2 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2012. С. 272–275. — См. также: *Зезекало А. Ю.* Заблуждение при совершении сделки. С. 52; *Zimmermann R.* The law of obligations. P. 614–615.

⁸ Здесь и далее приводится по: Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII–XIX, 1–715.

Законодательные изменения текста Гражданского кодекса Российской Федерации⁹ (далее — ГК РФ) последнего времени базируются во многом на разработках и достижениях не только континентального права, главным образом немецкого, но также и английского права. Если обратиться к английской концепции *frustration of purpose* (концепции тщетности цели договора)¹⁰, то цель заключения договора приобретает правовое значение, если она была для одной из сторон договора причиной вступления в соглашение, а для другой обстоятельством, которое не просто известно, но осознается при совершении сделки и влияет на ее условия. Иными словами, цель заключения договора представляет собой мотив к его заключению. При таких обстоятельствах целесообразен компаративный анализ немецкого, английского и российского права в части решения доктринальной проблемы допустимости придания мотивам заключения договора правового значения и критериев, при которых это возможно.

1. Немецкое право: каузальный мотив и его правовое значение

Вопрос о мотиве и его правовом значении для юридической судьбы сделки является важным в немецкой доктрине. Здесь проблематика побудительных причин вступления в сделку рассматривается главным образом сквозь призму дискуссии о заблуждении как основании для оспаривания сделки.

Однако в немецкой цивилистике мотивы вступления в сделку приобретают правовое значение также, в частности если обе стороны руководствуются ошибочными мотивами. В такой ситуации договор может быть изменен или прекращен по правилам о нарушении основания сделки (§ 313 ГГУ).

1.1. Заблуждение в мотиве как основание для оспаривания сделки

Учение об ошибке в немецком праве во много сформировалось под влиянием доктринальных воззрений Фридриха Карла фон Савиньи¹¹, который провел разграничение между ошибкой настоящей¹² (подлинной¹³) и ненастоящей¹⁴ (неподлинной¹⁵).

Если вести речь о неподлинной ошибке, то «действующее лицо полагает, что оно заключает действительную юридическую сделку, а на самом деле не хочет того, что для нее было бы необходимо»¹⁶. Иными словами, имеет место расхождение между волей и волеизъявлением.

Настоящая ошибка — это ошибка в причине волеизъявления¹⁷, т. е. ошибка в мотиве¹⁸, которая не является юридически значимой. Противопоставление

⁹ Здесь и далее ссылки на российское законодательство, подзаконные акты и судебную практику даются по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁰ Подробнее о концепции «*frustration of purpose*» см.: Петрова Д. С. Тщетность цели договора как частный случай тщетности договора по английскому праву // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 12. С. 158–173.

¹¹ См. об этом: Шермайер М. Й. Учение о заблуждении в истории европейской юридической мысли // Закон. 2015. № 9. С. 188–206.

¹² Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 2. С. 273.

¹³ Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки. С. 40.

¹⁴ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 2. С. 358.

¹⁵ Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки. С. 40.

¹⁶ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 2. С. 358.

¹⁷ Там же. С. 273–274.

¹⁸ См. об этом: Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки. С. 40. — См. также: Johnston A., Markesinis B. S., Unberath H. The German law of contract: A comparative treatise. 2nd ed. Oxford: Hart Publ., 2006. P. 278.

ошибки в мотиве и ошибки в сделке традиционно для континентального права и обусловлено тем, что юридически значимым должно быть заблуждение лишь в самом *существовании, содержании* сделки. Если же имеет место ошибка в побудительной причине к совершению сделки, то такое заблуждение не влечет правовых последствий¹⁹.

Немецкий законодатель в качестве оснований для оспаривания сделки, совершенной под влиянием заблуждения, на сегодняшний день выделяет следующие его виды:

- заблуждение относительно *содержания волеизъявления*, в том числе заблуждение в таких свойствах лица или вещи, которые в обороте считаются существенными; в этом случае лицо намерено совершить сделку, однако его волеизъявление не соответствует действительной воле, сформированной в отношении соответствующего существенного элемента сделки²⁰;
- отсутствие намерения высказать волеизъявление соответствующего содержания (*ошибка в волеизъявлении*); в такой ситуации воля лица на совершение конкретной сделки изначально отсутствует, что предоставляет право оспорить сделку²¹.

Два вышеуказанных обстоятельства служат основанием для оспаривания сделки, если можно предположить, что, зная о действительном положении дел и разумно оценивая ситуацию, лицо не сделало бы соответствующего волеизъявления (§ 119 ГГУ). Иными словами, в немецком правопорядке принята доктрина каузальной ошибки, предполагающая, что «в отсутствие такой ошибки данное изъяснение не могло быть совершено»²². Данная концепция призвана обеспечить правовую определенность и гарантировать, что только объективно существенные ошибки будут влиять на действительность договора²³.

По общему правилу для немецкого договорного права *ошибка в причине волеизъявления* или ошибка в мотиве не является юридически значимой²⁴. Однако далеко не всегда неукоснительное следование данному принципу может быть справедливым²⁵. Стремясь в некоторой мере сделать правила о заблуждении более гибкими, немецкий законодатель предусматривает ряд правил, наделяющих в определенных ситуациях юридически безразличные мотивы правовым значением.

Главным основанием для придания мотивам юридического значения является уже сама формулировка § 119 (2) ГГУ, а именно указание на то, что заблуждение в таких свойствах лица или вещи, которые в обороте считаются существенными, признается основанием для оспаривания сделки.

В определенный момент исторического развития — еще до принятия ГГУ — «европейская юриспруденция пришла к устойчивому убеждению в том, что вещественный состав предмета, а тем более его качественные характеристики как таковые, не будучи явным образом обусловленными контрагирующими сторонами,

¹⁹ Подробнее см.: *Зезекало А. Ю.* Заблуждение при совершении сделки. С. 37–39, 81–82, 148–149.

²⁰ Подробнее см.: Там же. С. 82–84. — См. также: *Шапп Я.* Система германского гражданского права: учебник для вузов / пер. с нем. С. В. Королева. М.: Международные отношения, 2006. С. 231–233.

²¹ *Зезекало А. Ю.* Заблуждение при совершении сделки. С. 82–84.

²² Там же. С. 53–54. — См. также: *Шермайер М. Й.* Учение о заблуждении в истории европейской юридической мысли. С. 188–206.

²³ *Johnston A., Markesinis B. S., Unberath H.* The German law of contract. P. 292–293.

²⁴ См., напр.: *Ibid.* P. 282.

²⁵ *Ibid.* P. 284. — См. также: *Гордли Дж.* Ошибка при заключении договора. С. 235–276.

к содержанию соглашения не относятся»²⁶. Указанное с неизбежностью влекло необходимость отнесения ошибки в свойствах вещи к ошибке в мотиве. Однако данный тезис противоречил воззрениям римских юристов, относивших *error in materia* и *error in substantia* к юридически значимым²⁷. Своеобразное разрешение данного противоречия было осуществлено Ф. К. фон Савиньи, который указал: «Ошибка в свойстве вещи является существенной, если из-за ошибочно предположенного свойства и согласно понятиям, господствующим в реальном обороте, вещь следовало бы отнести к другому виду вещей, чем к тому, к которому она действительно относится. Различие в материале не является ни необходимым, ни всегда достаточным для этого, поэтому выражение “*Error in substantia*” не является подходящим названием»²⁸. Таким образом, на доктринальном уровне был обоснован юридически значимый характер ошибки в свойствах вещи, границы которой Ф. К. фон Савиньи существенно расширяет по сравнению с римской *error in substantia*²⁹ и определяет критерии таковой, которые не подрывали бы стабильность гражданского оборота, но в то же время отвечали бы потребностям его участников³⁰.

Однако даже такое доктринальное обоснование в единстве с законодательным регулированием заблуждения в свойствах вещи (§ 119 (2) ГГУ) в полной мере не разрешило вопрос о том, является ли ошибка в свойствах вещи ошибкой в мотиве либо же выступает ошибкой в содержании волеизъявления³¹. В немецкой цивилистике продолжается спор, действительно ли заблуждение в существенных свойствах лица или вещи является разновидностью ошибки относительно содержания волеизъявления, или же это лишь прием законодательной фикции, приравнявшей два данных вида заблуждения в целях обеспечения интересов гражданского оборота. Если придерживаться второй точки зрения³², то непосредственным выводом будет необходимость квалификации заблуждения в существенных свойствах лица или вещи как ошибки в мотиве, а значит, мотив в немецком праве имеет юридическое значение, и ошибка в нем повлечет эффективное оспаривание сделки.

Предположения стороны о свойствах лица или вещи не всегда известны ее контрагенту и часто не являются договорным условием, тем не менее ошибка в таких свойствах лица или вещи может предоставлять заинтересованной стороне право оспорить сделку³³. В определенной мере ограничением для широкого применения данного правила выступает то, что далеко не каждая ошибка в мотиве имеет правовое значение, а только заблуждение, затрагивающее такие свойства

²⁶ Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки. С. 133.

²⁷ Подробнее см.: Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки. С. 126–134; Zimmermann R. The law of obligations. P. 592–596, 610. — См. также: Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2003. С. 137–143; Зезекало А. Ю. Заблуждение в существенных свойствах предмета сделки // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2008. № 3. С. 28–43; Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М.: Зерцало, 2007.

²⁸ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 2. С. 369.

²⁹ См. об этом: Zimmermann R. The law of obligations. P. 616–617.

³⁰ Ibid. P. 617.

³¹ Подробнее о причинах данной проблемы см.: Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки. С. 138–139. — См. также: Актуальные проблемы гражданского права: сб. работ выпускников Российской школы частного права 2009 г. / под ред. А. В. Егорова. М.: Статут, 2012. С. 9–10 (автор — А. В. Егоров).

³² См., напр.: Гордли Дж. Ошибка при заключении договора. С. 235–276; Шапп Я. Система германского гражданского права. С. 233, 236–239; Федько А. Г. Недействительность сделок, совершенных под влиянием заблуждения. С. 116; Kötz H. European contract law. 2nd ed. London: Oxford University Press, 2017. P. 176. — См. также ст. II.–7:201 v: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference. P. 498.

³³ См. об этом: Johnston A., Markesinis B. S., Unberath H. The German law of contract. P. 297–298.

лица или вещи, которые в обороте считаются существенными. Иными словами, немецкий законодатель обращается к критерию объективной существенности заблуждения³⁴ с тем, чтобы установить границы эффективного применения данного основания для оспаривания сделки.

Более того, для юридической значимости мотива вступления в сделку в силу прямого указания закона необходима не только объективная существенность заблуждения в мотиве, но и каузальность мотива, предполагающая, что лицо не совершило бы сделку, если бы не было такого неверно сформированного мотива к вступлению в нее. Здесь необходимо отметить, что в целом в континентальном праве критерий каузальности имеет особое значение для квалификации ошибки в качестве юридически значимой³⁵.

1.2. Общая ошибка сторон в мотивах вступления в договор как основание для изменения или прекращения договора

Большое значение в части придания мотивам правового значения в немецком праве сыграло учение Бернхарда Виндшейда (Bernhard Windscheid) о предположении. Предположение понимается им как неразвитое условие: «Если кто изъявляет волю под известным предположением, то, подобно изъявляющему условную волю, хочет, чтобы желаемое юридическое действие наступило лишь при наличности известных отношений, но существование этого действия он не ставит в зависимость от этих отношений, так что желаемое юридическое действие существует и продолжает существовать даже тогда, когда предположение не осуществилось»³⁶. Иными словами, нереализация предположения сама по себе не рушит договор — он остается действительным. Вместе с тем «это не соответствует истинной воле изъявителя воли, и потому существование этого юридического действия, хотя формально и оправдано, но с материальной стороны лишено оправдывающего основания. Вследствие этого терпящий через такое изъявление воли ущерб может не только защищаться посредством возражения против выводимых из этого изъявления притязаний, но и со своей стороны предъявлять требование к уничтожению такого юридического действия, направленное против того лица, в пользу которого оно наступило»³⁷.

Таким образом, Б. Виндшейд на доктринальном уровне обосновывает, в сущности, правовое значение мотивов для действительности сделок. Вследствие того, что такое предположение может не быть инкорпорировано в содержание договора в виде его условия, а значит, оно неизвестно другой стороне, недопустимо квалифицировать предположение как договорное условие. В то же время предположение нельзя рассматривать и как мотив, так как за мотивом немецкая цивилистика того времени не признавала юридического значения³⁸.

³⁴ Johnston A., Markesinis B. S., Unberath H. The German law of contract. P. 297–298. — См. также: Гордли Дж. Ошибка при заключении договора. С. 235–276.

³⁵ См., напр.: art. II. –7:201 в: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference. P. 498; art. 3.2.2 UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016> (дата обращения: 04.03.2020).

³⁶ Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1: Общая часть / пер. с нем. под ред. С. В. Пахмана. СПб.: Гиероглифов и Никифоров, 1874. С. 237–238.

³⁷ Там же. С. 238–239.

³⁸ См. также: Дождев Д. В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 2. С. 157.

Теория предположения Б. Виндшейда была призвана главным образом обосновать на теоретическом уровне положения доктрины *clausula rebus sic stantibus* (доктрины изменившейся обстановки)³⁹ и ввести в гражданский оборот правила, направленные на восстановление баланса имущественных интересов сторон договора, нарушенного последующим кардинальным изменением внешней обстановки. Однако, столкнувшись с достаточно серьезной критикой⁴⁰, доктрина не получила в немецком законодательстве того времени своего воплощения. Вместе с тем, несмотря на данное обстоятельство, положение *clausula rebus sic stantibus* на протяжении всего XX в. находилось под пристальным вниманием исследователей и немецких судов, которые также внесли крайне значимый вклад⁴¹ в становление доктрины существенного изменения обстановки. Не преследуя цель даже кратко проанализировать столетнюю историю развития оговорки о неизменности обстоятельств в немецком праве, что объективно невозможно в рамках настоящей статьи, обратим внимание на следующее.

Стремясь преодолеть выдвинутый против учения Б. Виндшейда критический довод о том, что предположение стирает границы между условием и мотивом⁴², Пауль Эртманн (Paul Oertmann) сформулировал концепцию «основания сделки». Под основанием сделки понимались «представления (не получившие подтверждения впоследствии) о будущем развитии события, которые не просто принадлежали одной из сторон, которая впоследствии будет стремиться отказаться от договора, а разделялись обеими сторонами или по крайней мере одной из них, которая при заключении договора довела их до сведения другой, а та, свою очередь, против этого не возражала»⁴³. Однако и эта концепция также критиковалась за то, что, стремясь избавиться от субъективного (волевого) момента при обосновании возможности освободиться от договора ввиду последующего изменения обстоятельств, она тем не менее не решила эту проблему⁴⁴.

Еще одна попытка освободиться от субъективного обоснования положений *clausula rebus sic stantibus* была предпринята Вальтером Шмидт-Римплером (Walter Schmidt-Rimpler) в рамках его авторской концепции договора. Исследователь исходил из того, что «последствия изначального отсутствия или последующего отпадения основы сделки представлялись не как исключения из положения “*paeta sunt servanda*”, как это часто делают, а как его соблюдение, другими словами, чтобы из существа института договора было выведено, что за отпадением или отсутствием основы сделки именно ввиду договора не могло бы последовать то,

³⁹ Подробнее о *clausula rebus sic stantibus* см., напр.: Полдников Д. Ю. Происхождение оговорки о неизменности обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*) в доктрине правоведов *ius commune* // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 3. С. 22–34.

⁴⁰ Подробнее см., напр.: Зейц А. Г. Влияние изменившихся условий на силу договоров. Иркутск: Издательство Иркутской секции научных работников, 1928. С. 25–47; Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. М.: Международные отношения, 1998. С. 262–263. — См. также: Johnston A., Markesinis B. S., Unberath H. The German law of contract. P. 321.

⁴¹ Подробнее см., напр.: Зейц А. Г. Влияние изменившихся условий на силу договоров. С. 25–47; Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение... Т. 2. С. 266–269; Cohn E. J. Frustration of contract in German law // Journal of Comparative Legislation and International Law. 1946. Vol. 28, no. 3/4. P. 15–25; Hay P. Frustration and its solution in German law // The American Journal of Comparative Law. 1961. Vol. 10, no. 4. P. 356–366.

⁴² Подробнее см., напр.: Зейц А. Г. Влияние изменившихся условий на силу договоров. С. 26–27.

⁴³ Приводится по: Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение... Т. 2. С. 265–266. — См. также: Johnston A., Markesinis B. S., Unberath H. The German law of contract. P. 322.

⁴⁴ Подробнее см., напр.: Зейц А. Г. Влияние изменившихся условий на силу договоров. С. 25–47; Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение... Т. 2. С. 265–266; Johnston A., Markesinis B. S., Unberath H. The German law of contract. P. 322.

что было согласовано, вообще или в неизменном виде»⁴⁵. Иными словами, автор обосновал возможность оспаривания сделки вследствие заблуждения в мотиве (как существующего на момент сделки, так и не реализовавшегося впоследствии), так как «юридическое признание согласованных правовых последствий основано на том, что при их оценке обе стороны, исходя из своих личных точек зрения, признали их правильными и поэтому эта правильность некоторым образом обеспечена... из этого прямо следует, что не могут правовые последствия, ввиду необеспеченности правильности, получить признание тогда, когда оценка хотя бы одной стороны либо покоится на неправильных основаниях (Voraussetzungen)... Допустить наступление правовых последствий можно было бы только тогда, когда отсутствующий или отпавший момент был безразличен для разумного усмотрения (verständige Betrachtung), по аналогии с тем регулированием, которое наш закон предусмотрел на случай заблуждения при необходимости разумной оценки положения вещей... Только из чисто волевого понимания идеи договора, которое пренебрегает правильностью правовых последствий, непосредственно выводится невозможность оспаривания при заблуждении в мотиве — несмотря на него, ведь этих правовых последствий желали, — тогда как верное представление о договоре как о механически работающем средстве достижения того, что правильно, как раз требовало бы оспаривания ввиду заблуждения в мотиве»⁴⁶.

Регулирование последствий существенного изменения обстановки на законодательном уровне произошло лишь после реформы обязательственного права Германии в 2002 г. В результате внесения изменений в ГГУ появился § 313 о нарушении основания сделки. Теперь § 313 (1) ГГУ предусматривает, что, если обстоятельства, ставшие основанием для договора, значительно изменились после его заключения, и стороны не заключили бы договор либо заключили его с иным содержанием, если бы они предвидели изменение такого характера, можно потребовать адаптации договора, поскольку для одной из сторон участие в договоре без его изменения, с учетом всех обстоятельств дела, в частности распределения рисков в силу договора или закона, неприемлемо. В силу § 313 (2) ГГУ к изменению обстоятельств приравнивается ситуация, когда обнаружена ложность существенных представлений, ставших основанием для договора.

Таким образом, текст ГГУ выделяет так называемые объективное (§ 313 (1) ГГУ) и субъективное основания договора (§ 313 (2) ГГУ)⁴⁷. Если говорить об объективном основании договора, то под таковым понимаются некие внешние сопутствующие обстоятельства, ставшие причиной заключения договора. Субъективное основание — это представления сторон, послужившие основанием для заключения договора. При этом последствия отпадения как объективного, так и субъективного основания договора в немецкой цивилистике едины — это требование адаптации договора, или, если таковая недоступна, то отказ от него (§ 313 (3) ГГУ).

⁴⁵ Шмидт-Римплер В. К проблеме основы сделки // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 212–247.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См. об этом: Johnston A., Markesinis B. S., Unberath H. The German law of contract. P.325; Lowisch M. New Law of Obligations in Germany // Ritsumeikan Law Review. 2003. no. 20. P. 147–148. — См. также: Лузгина А. В. Объективные препятствия к исполнению договора в праве Англии, Франции, Германии // Актуальные проблемы гражданского права: сб. работ выпускников Российской школы частного права 2009 г. С. 313. — Иной взгляд на соотношение § 313 (1) и § 313 (2) ГГУ см.: Rosler H. Hardship in German codified private law — in comparative perspective to English, French and international contract law // European Review of Private Law. 2007. Vol. 15, no. 4. P. 497.

Немецкая доктрина выделяет три типичных ситуации, когда возможно применение правил § 313 ГГУ:

- нарушение баланса в соотношении исполнения и встречного исполнения;
- отпадение цели договора;
- общая ошибка (*common mistake*)⁴⁸.

Нарушение баланса в соотношении исполнения и встречного исполнения является самым типичным основанием для применения правил § 313 ГГУ. Для того чтобы быть юридически значимой, такая неэквивалентность предоставлений должна отвечать следующим признакам:

- она возникает после заключения договора;
- имеет непредвидимый характер, т. е. стороны в момент заключения договора исходили из того, что изменения обстоятельств не произойдет, либо одна сторона исходила из данного предположения, и оно было распознаваемо другой стороной и ею не оспаривалось⁴⁹ (непредвидимость изменения обстоятельств⁵⁰);
- носит существенный характер, т. е. сохранение договора в его неизменном виде применительно к новым внешним обстоятельствам неприемлемо для потерпевшей стороны и приводит к значительному дисбалансу имущественных интересов сторон договора;
- является каузальной, т. е. если бы стороны могли предвидеть такое изменение обстановки, то они не заключили бы договор на его изначальных условиях или совершили бы сделку, но иного содержания.

Отпадение цели договора применительно к правилам § 313 ГГУ составляет достаточно небольшой круг ситуаций. В таком случае нарушение основания сделки проявляется в том, что кредитор ввиду последующего изменения обстановки утрачивает всякий интерес к получению исполнения по договору, которое более в новых условиях не представляет для него никакой ценности⁵¹. При этом либо такая цель кредитора в части получения исполнения должна быть общим разделяемым сторонами предположением, либо же другая сторона должна хотя бы просто знать о том, что данная цель является основанием договора для другой стороны⁵².

Наличие общей ошибки сторон договора в мотивах, сыгравших решающую роль для его заключения, составляет сферу действия нормы § 313 (2) ГГУ⁵³, которая для целей единообразного правового регулирования приравнивает к изменению обстоятельств ситуацию, когда после заключения договора обнаружена

⁴⁸ Johnston A., Markesinis B. S., Unberath H. The German law of contract. P. 319, 325. — См. также: Лузгина А. В. Объективные препятствия к исполнению договора... С. 312; Шанп Я. Система германского гражданского права. С. 243.

⁴⁹ См. об этом: Unexpected circumstances in European contract law / eds E. Hondius, H. C. Grigoleit. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 182, 220, 257. — См. также: Rosler H. Hardship in German codified private law. P. 493.

⁵⁰ См., напр.: Dastis J. K. M. Change of Circumstances (Section 313 BGB) Trigger for the Next Financial Crisis? // European Review of Private Law. 2015. Vol. 23, no. 1. Max Planck Private Law Research Paper no. 15/10. P. 92–99.

⁵¹ Unexpected circumstances in European contract law. P. 342–346.

⁵² Ibid. P. 391.

⁵³ См. подробнее: Baranauskas E., Zapolskis P. The effect of change in circumstances on the performance of contract // Jurisprudence. 2009. no. 4 (118). P. 206; Brunner C. Force majeure and hardship under general contract principles: Exemption of non-performance in international arbitration. Austin; Boston; Chicago; New York; The Netherlands: Kluwer Law International, 2009. P. 240; Rosler H. Hardship in German codified private law. P. 496; Unexpected circumstances in European contract law. P. 534.

ложность существенных представлений, ставших основанием для данного договора. Речь идет именно о *последующем*⁵⁴ обнаружении ошибочности мотивов, которыми стороны договора руководствовались в прошлом — в момент его заключения⁵⁵. Во включении данного основания изменения или прекращения договора в сферу действия доктрины изменившейся обстановки (*clausula rebus sic stantibus*) и состоит уникальная специфика подхода немецкого законодателя. Еще Б. Виндшейд признавал в качестве юридически значимых предположения относительно прошедших (а не только будущих) обстоятельств, однако эта идея была законодательство закреплена в немецком праве лишь более чем столетие спустя после того, как была сформулирована.

Сфера действия § 313 (2) ГГУ включает в себя не только ситуации, когда должник и кредитор совершили ошибку в определенном едином для сторон мотиве заключения договора (явно выраженный мотив), но и случаи, когда отсутствует явно выраженный мотив, однако из сопутствующих обстоятельств следует, что стороны исходили из очевидных предположений (подразумеваемый мотив), в которых и допустили ошибку⁵⁶. В данном положении также неизбежно усматривается влияние идей Б. Виндшейда о том, что предположение может не только быть явно выраженным, но и следовать из сопутствующих обстоятельств⁵⁷.

Общая ошибка сторон договора, обнаруженная после совершения сделки, способна привести к изменению или прекращению договора, если она носит существенный характер и каузальна.

Концепция нарушения основания сделки в немецком праве, таким образом, охватывает собой не только случаи последующего изменения обстановки, но и ситуации «изначального отсутствия субъективного основания сделки»⁵⁸ — общую ошибку сторон относительно мотивов вступления в договор. Именно данный фактор достаточно серьезно сближает и объединяет немецкие доктрины заблуждения как основания недействительности сделки и нарушения основания договора⁵⁹.

Как было показано ранее, и § 119 (1) и 313 (2) ГГУ признают за мотивами вступления в сделку правовое значение. Очевидно, что мотивов, понимаемых как обстоятельства, побудившие стороны к вступлению в договор, может быть бесчисленное множество, и если признавать правовое значение за каждой из таких побудительных причин, то стабильность и устойчивость гражданского оборота будут принципиально поставлены под угрозу. Поэтому, стремясь не допустить подобных негативных последствий и одновременно создавая гарантии защиты интересов добросовестных участников оборота, допустивших при заключении договора значимую ошибку в мотивах, немецкий законодатель выдвигает критерий, которому должна отвечать ошибка в побудительных причинах, чтобы можно было вести речь об оспаривании или изменении (прекращении) договора. Данным признаком является каузальность мотива, предполагающая, что если бы не было ошибки в мотиве, то сделка не была бы совершена вовсе или была бы заключена, но на иных условиях.

⁵⁴ См., напр.: *Rosler H.* Hardship in German codified private law. P. 497.

⁵⁵ *Brunner C.* Force majeure and hardship... P. 240. — См. также: *Kötz H.* European contract law. P. 298.

⁵⁶ *Brunner C.* Force majeure and hardship... P. 239.

⁵⁷ *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права. Т. 1. С. 240–242.

⁵⁸ *Rosler H.* Hardship in German codified private law. P. 506. — См. также: *Лузгина А. В.* Объективные препятствия к исполнению договора... С. 312.

⁵⁹ См. также: *Дождев Д. В.* Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции. // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 2. С. 146–149, 159–160.

2. Правовое значение каузального мотива в российском и английском праве

2.1. Заблуждение в мотиве как основание для оспаривания сделки (ст. 178 ГК РФ)

Российское право традиционно исходило из того, что заблуждение в мотиве не имеет правового значения⁶⁰. Действующая редакция п. 3 ст. 178 ГК РФ, следуя сложившейся традиции, также прямо предусматривает, что заблуждение относительно мотивов сделки не является достаточно существенным для признания сделки недействительной. Вместе с тем, если проанализировать существующее позитивное регулирование, необходимо прийти к выводу о том, что в ряде случаев заблуждение в мотиве может иметь правовое значение.

В силу п. 1 ст. 178 ГК РФ юридически значимым заблуждением признается лишь такое заблуждение, которое было настолько существенным, что заблуждавшаяся сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел. «Иначе говоря, значение имеет только такое заблуждение, которое предопределило совершение сделки, находится с ним в причинной связи»⁶¹. В то же время российский законодатель выделяет несколько ситуаций, когда презюмируется существенность заблуждения (п. 2 ст. 178 ГК РФ).

Таким образом, существенность как признак заблуждения, с одной стороны, характеризуется наличием его дефиниции, с другой — примерами его нескольких частных случаев. Вместе с тем применительно к частным случаям существенного заблуждения российский законодатель лишь устанавливает презумпцию их существенного характера, которая неопровержима лишь в том случае, если выполняются требования дефиниции существенного заблуждения.

В то же время, например, для международных унификаций частного права регулирование института ошибки посредством формулирования конкретного перечня существенных заблуждений не характерно. Наоборот, как правило, формулируется только критерий существенного характера заблуждения как такой ошибки, не будь которой договор не был бы заключен вовсе или был бы заключен на иных условиях⁶².

Именно такая характеристика заблуждения представляет собой критерий каузальности заблуждения — понятие, которое используется в доктрине⁶³. Каузальный характер заблуждения предполагает, что такая ошибка имела основополагающее значение для формирования воли заблуждавшегося лица на заключение сделки, и, не будь этой ошибки, как если бы сторона в момент заключения договора знала о действительном положении дел, то сделка на ее текущих условиях не была бы совершена вовсе.

⁶⁰ См., напр.: *Загоровский А.* Принуждение, ошибка и обман и их влияние на юридическую сделку. С. 12–13; *Законы гражданские. Книга вторая.* URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/34> (дата обращения: 26.08.2018); *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. С. 107–109.

⁶¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса РФ / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 738 (авторы комментария — В. В. Байбак, А. Г. Карапетов).

⁶² См., напр.: art. II. –7:201 of Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference; art. 3.2.2 of UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016.

⁶³ См., напр.: *Зезекало А. Ю.* Новое в правилах о недействительности сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Закон. 2015. № 9. С. 73–88; *Лукьяненко М. Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010; *Рудоквас А. Д.* Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 31–47.

Российский законодатель, как и немецкий, исходит из юридической значимости только каузального заблуждения. При этом ГК РФ, несмотря на кажущееся явное непризнание заблуждения в мотиве как основания для оспаривания сделки (на что прямо указывает п. 3 ст. 178 ГК РФ), в отдельных случаях наделяет ошибку в мотиве правовым значением.

Во-первых, п. 2 ст. 178 ГК РФ прямо допускает возможность признания сделки недействительной, если сторона заблуждалась в отношении предмета сделки, в частности таких его качеств, которые в обороте рассматриваются как существенные. Ранее уже было указано на то, что ошибка в предмете отдельными исследователями справедливо рассматривается как именно заблуждение в мотиве, что дает основания полагать, что российский законодатель вслед за немецким также наделяет ошибку в мотиве правовым значением в случае, если такая ошибка будет носить каузальный характер⁶⁴.

Во-вторых, новым основанием для оспаривания сделки по правилам ст. 178 ГК РФ с 01.09.2013 стало заблуждение в отношении обстоятельства, которое сторона упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку (подп. 5 п. 2 ст. 178 ГК РФ). В указанной ситуации после заключения договора оказывается, что данные обстоятельства, под предположением о наличии которых сторона заключала сделку, фактически не существовали (иными словами, имела место ошибка в данных обстоятельствах), что делает сделку на ее изначальных условиях нецелесообразной для первой стороны.

Очевидно, что в подп. 5 п. 2 ст. 178 ГК РФ речь идет именно об ошибке в мотиве⁶⁵, так как применительно к конструкции данной разновидности заблуждения необходимо признать, что лицо заблуждается в неких существующих на момент заключения договора⁶⁶ обстоятельствах, «фактическое состояние» которых в силу объективных причин на момент совершения сделки достоверно ему не известно, однако которые оказали решающее влияние на его вступление в договор, т.е. имеют каузальное значение.

Здесь необходимо вернуться к § 313 (2) ГГУ, который к случаям последующего изменения обстановки приравнивает ситуацию общей ошибки сторон в обстоятельствах, предшествовавших заключению договора. Если немецкий законодатель не усматривает необходимости различий в регулировании последствий последующего изменения обстоятельств (т.е. неосуществления мотива к заключению договора) и существующей на момент заключения договора ошибки относительно некоторых обстоятельств, повлиявших на заключение договора (т.е. ошибки в мо-

⁶⁴ См., напр.: Актуальные проблемы гражданского права: сб. работ выпускников Российской школы частного права 2009 года / под ред. А. В. Егорова. С. 9–10 (автор — А. В. Егоров); Сделки, представительство, исковая давность. С. 757–759 (авторы комментария — В. В. Байбак, А. Г. Карапетов); *Федько А. Г.* Недействительность сделок, совершенных под влиянием заблуждения. С. 116.

⁶⁵ См., напр.: *Байбак В. В., Карапетов А. Г.* Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 9. С. 90–92; Сделки, представительство, исковая давность. С. 757–759 (авторы комментария — В. В. Байбак, А. Г. Карапетов).

⁶⁶ См., напр.: *Козлова Н. В., Ягельницкий А. А.* Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 3. С. 49. — См. также: Определение Высшего арбитражного суда РФ от 25.11.2009 № ВАС-15410/09; Постановление Федерального арбитражного суда (далее — ФАС) Восточно-Сибирского округа от 26.10.2012 по делу № А19-6782/2012; Постановление ФАС Центрального округа от 30.10.2013 по делу № А36-4680/2012; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа 17.04.2014 по делу № А 53-17834/2013; Постановление Арбитражного суда (далее — АС) Дальневосточного округа от 22.09.2015 № Ф03-3897/2015 по делу № А59-4357/2014.

тиве), и квалифицирует обе ситуации как основание для изменения (прекращения) договора⁶⁷, то российский законодатель придерживается иного подхода.

Гражданский кодекс РФ исходит из традиционного разграничения⁶⁸ институтов ошибки и изменения обстоятельств, согласно которому в рамках первого можно лишь оспорить сделку ввиду наличия ошибки на момент заключения договора, а в рамках второго — прекратить (изменить) договор, по общему правилу только на будущее время вследствие произошедшего после заключения договора изменения обстоятельств. Отметим, что континентальное право не сразу пришло к квалификации сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения, как оспоримой. В римском праве⁶⁹, а также в *ius commune*⁷⁰ и ранней пандектистике⁷¹ договор, совершенный под влиянием существенного заблуждения, рассматривался как ничтожный, что непосредственно следовало из приоритета воли над волеизъявлением и недопустимости их расхождения⁷².

В то же время, несмотря на различия в правовом регулировании последствий существующей ошибки и последующего изменения обстоятельств, российский законодатель, как и немецкий, исходит из единого общего критерия каузальности ошибочного или неосуществившегося мотива, только при установлении наличия которой возможно вмешательство в существование и действительность заключенного договора.

2.2. Ошибка сторон в мотивах вступления в договор применительно к правилам о существенном изменении обстоятельств (ст. 451 ГК РФ): отпадение цели договора как основание расторжения (изменения) договора

В силу п. 1 ст. 451 ГК РФ существенным изменением обстоятельств признается ситуация, при которой обстоятельства изменяются настолько, что, если бы

⁶⁷ Необходимость применения такого подхода в российском законодательстве отстаивает А. Л. Назыков, предлагая под существенным изменением обстоятельств «понимать в том числе и обнаружение сторонами новой информации, которой во время заключения договора они не владели или же были уверены в ее отсутствии» (Назыков А. Л. «Оговорка о неизменности обстоятельств» и ее рецепция в российском гражданском праве (*clausula rebus sic stantibus*): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 8). Однако в настоящее время данный подход невозможен в силу прямого указания подп. 5 п. 2 ст. 178 ГК РФ. Критику этого подхода см.: Шавалеев М. В. Договорное право в период экономической нестабильности: исследование современного опыта влияния существенного изменения обстоятельств на обязывающую силу договора // Закон. 2017. № 1. С. 110–121.

⁶⁸ См., напр.: Козлова Н. В., Ягельницкий А. А. Расторжение гражданско-правового договора... С. 49; Gibbon W. Discharge of contract by frustration // University of New Brunswick Law School Journal. 1948. Vol. 2, iss. 1. P. 24–25; McKendrick E. Contract law. London: Macmillan Press Ltd., 2000. P. 289–292, 301; Treitel G. H.: 1) Frustration and force majeure. 2nd ed. London: Sweet & Maxwell, 2004. P. 7–18; 2) The law of contract. 13th ed. London: Sweet & Maxwell, 2011. P. 924–925. — См. также дела: Amalgamated Investment & Property Co Ltd v. John Walker & Son Ltd [1977] 1 W. L. R. 164 William Sindall Plc v. Cambridgeshire County Council [1993] EWCA Civ 14. — См. также: art. II.–7:201, art. III.–1:110 of Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference.

⁶⁹ См., напр.: Birks P. The Roman law of obligations. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 76–78; Zimmermann R. The law of obligations. P. 587–596; Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник. М.: Норма, 2007. С. 130; Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юристъ, 2004.

⁷⁰ См., напр.: Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки. С. 166–177; Zimmermann R. The law of obligations. P. 609–612.

⁷¹ См., напр.: Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 2. С. 358–361; Zimmermann R. The law of obligations. P. 609–612.

⁷² См., напр.: Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. С. 137–143.

стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Как следует уже из дефиниции кардинального изменения обстановки, для того чтобы таковая могла влечь правовые последствия, она должна носить каузальный характер. Иными словами, юридически значимое существенное изменение обстоятельств — это только такая ситуация, когда применительно к новым обстоятельствам заключенный договор в его изначально согласованном виде становится абсолютно невыгодным и/или нецелесообразным для сторон. Если бы стороны договора в момент его заключения могли прогнозировать соответствующее изменение обстановки, то они не совершили бы сделку на тех ее условиях, на которых она была фактически заключена.

«Существенность препятствия предполагает, что оно затрагивает те элементы сделки, без которых она не может состояться, так что, будь оно известно в момент волеизъявления, содержание сделки было бы иным или она не была бы заключена вовсе»⁷³. Таким образом, те обстоятельства, из которых стороны исходили в момент заключения договора и кардинального изменения которых никоим образом не прогнозировали, имеют решающее каузальное значение для формирования воли лица на вступление в конкретный договор. Неосуществление такого предположения сторон об обстоятельствах, послуживших мотивом для заключения договора, на практике позволяет расторгнуть или изменить договор именно вследствие того, что оно имело решающее каузальное значение для судьбы сделки.

Применительно к правилам ст. 451 ГК РФ речь идет о последующем изменении обстоятельств, т. е. о таком изменении обстановки, которое не предвидимо в момент заключения договора и происходит исключительно после вступления сторон в сделку. В этом состоит ключевое отличие правил о кардинальном изменении обстановки от правил о существенном заблуждении. Вместе с тем российский законодатель исходит из некоего общего единого юридически значимого критерия каузальности как ошибки, так и предположения о неизменности внешней обстановки: только если неверное предположение стороны относительно существующих или будущих событий отвечает данному признаку, оно может повлечь правовые последствия в виде признания сделки недействительной или расторжения (изменения) договора соответственно.

В последнее время в отечественной судебной практике, на наш взгляд, наметилась тенденция квалифицировать последующее отпадение цели договора как существенное изменение обстоятельств, предоставляющее возможность расторгнуть (изменить) договор.

В свою очередь, если обратиться к английской теории и практике применения доктрины тщетности цели договора (*frustration of purpose*)⁷⁴, то цель договора будет трактоваться именно в связи с планируемым заинтересованной стороной использованием благ, получаемых ею по договору, которое признается юридически значимым вследствие влияния такой цели договора на условия заключенного договора. Если провести анализ всей совокупности прецедентных решений по вопросу применения английской концепции *frustration of purpose*, то можно сформулировать перечень условий, которые необходимы для того, чтобы

⁷³ *Дождев Д. В.* Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 1. С. 104.

⁷⁴ Подробнее см., напр.: *Петрова Д. С.* Тщетность цели договора... С. 158–173.

frustration of purpose могла эффективно работать и прекращать заключенный договор. Таковыми являются следующие:

- стороны в момент заключения договора предполагали сохранение определенного состояния дел;
- изменение обстоятельств не было предвидимо сторонами в момент совершения сделки;
- договор был заключен сторонами с определенной целью, которая должна быть для одной из сторон причиной вступления в соглашение, а для другой — обстоятельством, которое не просто известно, но осознается при совершении сделки и влияет на ее условия;
- цель заключения договора является каузальной для заинтересованной стороны;
- изменение внешней обстановки приводит к тому, что: а) цель договора, становится недостижима (неосуществима); б) договор в измененных условиях предполагает совсем иной баланс имущественных интересов сторон, чем тот, который был при заключении договора; в) сохранение в новой обстановке заключенного договора в неизменном виде становится бессмысленным.

При вышеуказанном понимании цели договора таковая представляет собой побудительную причину, мотив к вступлению в договор. Вместе с тем *юридически значимая* цель заключения договора в английском праве является *каузальной* для заинтересованной стороны, вследствие чего последующая невозможность достижения такой цели договора и приводит к автоматическому прекращению договора ввиду тщетности его цели.

Если следовать обозначенному выше пониманию цели договора, то отпадение последней, очевидно, не должно быть юридически безразличным и в российском правопорядке. Это обусловлено тем, что волеизъявление сторон к вступлению в сделку формировалось именно в связи с вполне определенными представлениями о цели договора, которые ввиду последующих событий не оправдались, и цель договора отпала. Указанное приводит к тому, что нарушается баланс имущественных интересов сторон, а заключенный договор теряет свою ценность и значение, которые были присущи ему на момент совершения. Соответственно, следующие после заключения договора события, влекущие невозможность достижения его цели, должны каким-либо образом отражаться на динамике заключенного договора.

В российской судебной практике встречаются несколько наиболее распространенных типичных случаев, при наступлении которых потенциально возможно вести речь об отпадении цели договора. Указанные ситуации условно могут быть обобщены в следующие группы:

- запрет на импорт или экспорт товаров, приводящий к сложностям исполнения заключенных договоров;
- изменения правового режима (запреты и ограничения в отношении использования) объектов недвижимого имущества, влекущие нецелесообразность сохранения договорных связей сторон⁷⁵.

Вместе с тем выше приведены лишь некоторые типичные ситуации отпадения цели договора, в то время как возможные фактические ситуации, применительно

⁷⁵ См. также: Постановление АС Западно-Сибирского округа от 22.02.2017 № Ф04-6804/2016 по делу № А27-493/2016.

к которым возможно ставить вопрос об отпадении цели договора, достаточно разнообразны и многочисленны⁷⁶.

2.2.1. Введение ограничений на импорт и экспорт товаров как частный случай отпадения цели договора

В связи с начавшимися в 2014 г. (и продолжающимися в последующие годы) достаточно серьезными экономическими изменениями и событиями политического характера в российской теории стал активно обсуждаться, в частности, вопрос последствий установления ограничений на ввоз определенных товаров на территорию РФ для договоров. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» и принятое в его исполнение Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»» (в ред. от 07.08.2014) ввели абсолютный запрет на ввоз на территорию РФ определенных товаров, произведенных на территории отдельных иностранных государств. Такие действия не могли не отразиться на уже заключенных договорах, и к настоящему моменту в отечественной судебной практике на данный момент накопился определенный объем решений и правовых позиций по спорам, возникшим в связи с вводимыми в нашей стране в различные периоды запретами на импорт.

Российская судебная практика большей частью не признает какого-либо юридического значения за импортными ограничениями, вводимыми российскими органами власти, для коммерческих контрактов⁷⁷. Так, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа в одном из дел указал, что введенное временное ограничение на поставки в Российскую Федерацию из стран — членов Евросоюза живых животных (крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, свиней) не может служить существенным изменением обстоятельств (суд именовал указанные события непреодолимой силой, хотя, по существу, речь в деле шла именно об изменении договора ввиду изменившейся обстановки), так как подобные ограничения вводились и ранее⁷⁸. При этом кассационная инстанция не посчитала заслуживающим внимания довод истца о том, что «аналогичные по характеру запреты вводились и ранее, но заключались они в запрете ввоза с нескольких хозяйств одной страны. Полномасштабный запрет, введенный Россельхознадзором с 20.03.2012, а фактически с 25.02.2013, в таком объеме был введен впервые»⁷⁹. В равной мере Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа не посчитал юридически релевантным и то, что «предприятие истца является специализированным комплексом по убою свиней и крупного рогатого скота... Переоборудовать производство истца под другой вид деятельности невозможно»⁸⁰.

В последнем деле истец со ссылкой на указанный запрет пытался изменить кредитный договор, а именно получить рассрочку погашения задолженности.

⁷⁶ См., напр.: Определение Верховного суда РФ от 29.03.2017 № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015; Постановление АС Московского округа от 25.10.2017 № Ф05-16922/2016; Постановление АС Западно-Сибирского округа от 22.02.2017 № Ф04-6804/2016 по делу № А27-493/2016.

⁷⁷ См., напр.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2015 по делу № А56-71547/2014; Решение АС Хабаровского края от 19.12.2014 по делу № А73-13542/2014.

⁷⁸ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.06.2014 № Ф07-6569/2013 по делу № А21-8837/2012.

⁷⁹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.03.2014 по делу № А21-8837/2012.

⁸⁰ Там же.

Введенные ограничения на поставку товара не могли не отразиться на бизнесе истца, специализирующегося именно на указанной специфической деятельности, что повлекло остановку деятельности истца и, как следствие, сложности при исполнении кредитного договора на его первоначальных условиях. В данном споре достаточно сложно квалифицировать введение запрета на импорт в качестве основания для отпадения цели кредитного договора, так как кредитный договор не заключался применительно к обстоятельствам дела именно и исключительно в целях финансирования осуществления специфической хозяйственной деятельности истца, а значит, не содержал специфических условий в связи с таковым. В то же время данное обстоятельство не следует из судебных актов по делу, однако нельзя утверждать, что таковое не следовало из фактологии взаимоотношений сторон, не отраженной в тексте правоприменительных актов. Поэтому, с нашей точки зрения, в приведенной ситуации можно вести речь о расторжении (изменении) договора в связи с существенным изменением обстоятельств, в частности: 1) принятие запрета на ввоз товаров было непредвидимо для любого разумного участника оборота (так как запрет такого рода был введен впервые); 2) оно носило внешний по отношению к сторонам договора характер; 3) предотвращение негативных последствий изменившейся обстановки было недоступно для истца, чье производство нельзя было каким-либо образом переоборудовать для иных видов деятельности; 4) риски подобного изменения внешних условий едва ли были бы приняты на себя заинтересованной стороной; 5) изменение обстановки привело к тому, что исполнение кредитного договора на изначальных условиях повлекло бы нарушение баланса имущественных интересов сторон; 6) если бы заинтересованная сторона могла предвидеть введение импортного запрета, то кредитный договор, возможно, не был бы заключен или был бы заключен, но на других условиях, т.е. введение эмбарго могло иметь каузальный характер для юридической судьбы договора. Вместе с тем суд кассационной инстанции последовал общей тенденции неприменения правил ст. 451 ГК РФ и принял решение, которое отвечает интересам стабильности гражданского оборота, но не интересам сторон договора.

В некоторой мере схожие обстоятельства послужили причиной для возникновения спора, рассмотренного Московским городским судом⁸¹. В данном деле кредитор обратился в суд с иском о взыскании задолженности по кредитному договору и об обращении взыскания на предмет залога в связи с неисполнением заемщиком своих обязательств по договору. Целью заключения спорного кредитного договора выступало финансирование оборотного капитала. В связи с тем, что заемщиком по договору выступала организация, занимающаяся оптовой и розничной торговлей продуктов питания, произведенных в Италии, цель договора предполагала финансирование поставок именно таких товаров.

Возражая против заявленных требований, заемщик ссылался на нормативные правовые акты⁸², принятие которых привело к утрате ответчиком возможности осуществлять свою хозяйственную деятельность. Введенное импортное эмбарго заемщик рассматривал как обстоятельство непреодолимой силы, освобождающее его от ответственности за нарушение своих обязательств по кредитному договору.

⁸¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.04.2015 по делу № 33-12784.

⁸² Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (в ред. от 07.08.2014).

Московский городской суд не поддержал позицию ответчика, указав в упомянутом определении: «Ответчиком не представлены доказательства того, что вся продукция, закупается... в странах, являющихся членами Европейского союза, и иных странах, являющихся, наряду с Евросоюзом, странами происхождения продукции, включенной в перечень запрещенных к ввозу в Российскую Федерацию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Также не представлены ответчиком и доказательства невозможности возврата от поставщиков денежных средств за не поставленную последними ответчику продукцию и, соответственно, отсутствия возможности приобретения и реализации иной продукции, не входящей в указанный выше перечень либо аналогичной продукции стран, не входящих в указанный перечень». Иными словами, суд не усмотрел в данном деле критерия непредотвратимости наступивших обстоятельств.

Мотивы, приведенные Московским городским судом, не могут не поставить перед нами вопрос о потенциальной оценке введенного эмбарго применительно к обстоятельствам дела как основания для расторжения (изменения) договора ввиду существенного изменения обстоятельств. С нашей точки зрения, в позиции о недоказанности ответчиком приобретения им всех реализуемых им товаров у поставщиков — резидентов подпавших под действие российских «санкций» стран — можно проследить некоторое сходство с английскими делами о прекращении договора ввиду *frustration of purpose*.

Кредитный договор применительно к рассматриваемому делу был заключен для финансирования приобретаемых заемщиком товаров — таковое выступало целью заключения договора кредита. В связи с принятием вышеуказанных нормативных актов исполнение заключенных ответчиком договоров поставки стало фактически невозможным. При таких обстоятельствах у заемщика могли возникнуть не просто трудности с возвратом кредитных средств, но, вероятно, могла отпасть цель дальнейшего кредитования. Соответственно, именно доказанный факт «зависимости» ответчика от поставок товара исключительно из «подсанкционных стран» мог бы стать достаточно весомым аргументом в пользу допустимости расторжения (изменения) договора вследствие последующего кардинального изменения обстановки (однако вопрос об этом в деле не ставился).

Введение «экономических санкций» в августе 2014 г. российская судебная практика подчас пытается признать «исключительным обстоятельством, выходящим за пределы нормального, обыденного, и которое не является прогнозируемым событием»⁸³, с тем чтобы защитить пострадавшую в результате введенных законодательных запретов сторону. Несмотря на изредка принимаемые схожие решения, в российской судебной практике в целом сохраняется тенденция непризнания какого-либо юридического значения за подобными событиями. Главным образом, суды стремятся не допустить прекращения договоров ввиду таких обстоятельств, причем данный тезис справедлив не только применительно к институту существенного изменения обстоятельств, но и к случаям одностороннего отказа от договора на основании последующих непредвидимых и чрезвычайных событий⁸⁴.

В деле, рассмотренном Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области⁸⁵, субарендатор пытался в одностороннем порядке отказаться от договора, ссылаясь на введенный в августе 2014 г. запрет на импорт,

⁸³ См., напр.: Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.02.2015 по делу № А56-71546/2014.

⁸⁴ См., напр.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2015 по делу № А56-71547/2014.

⁸⁵ См. дело № А56-71547/2014.

который, по его мнению, является обстоятельством непреодолимой силы⁸⁶, предоставляющим в силу положений договора возможность отказаться от договорных обязательств. Суд первой инстанции поддержал позицию субарендатора, признав односторонний отказ от договора законным⁸⁷. Апелляция же решение отменила, указав на то, что: 1) субарендатор мог использовать арендуемый им склад для хранения иной продукции, а не только товаров, предполагающихся к поставке из подпавших под действие «санкций» стран; 2) арендатором не предоставлено допустимых доказательств невозможности использования помещений в целях хранения иных грузов⁸⁸.

В анализируемом деле именно возможность использования арендованного склада для хранения иных «несанкционных» товаров и недоказанность обратного послужили ключевыми факторами для непризнания импортного запрета обстоятельством непреодолимой силы и непризнания одностороннего отказа юридически значимым. Спорный договор субаренды, очевидно, заключался с целью хранения на складе поставляемых субарендатору товаров, ввоз которых на территорию РФ после введенных ограничений отказался под запретом. Однако именно недоказанность ответчиком наличия юридически значимой цели (т. е. объективной применительно к конкретным обстоятельствам дела возможности использования склада субарендатором одним единственным возможным способом) послужила основанием для непризнания изменившихся обстоятельств непредотвратимыми. Иными словами, в данном деле, в сущности, не были установлены факты наличия *каузального* мотива и его последующего неосуществления, необходимые для положительного решения вопроса о прекращении договора. Таким образом, в российской судебной практике на сегодняшний день можно усмотреть отдельные попытки проанализировать правовое значение целей стороны при вступлении в договор, понимаемых как предполагаемые кредитором в момент заключения договора способы использования того блага, которое он получит в результате исполнения обязательства его должником.

2.2.2. Введение ограничений в отношении использования недвижимости как частный случай отпадения цели договора⁸⁹

В английском праве произошедшее после заключения договора изменение обстановки, влекущее невозможность использования недвижимости, являющейся предметом договора, тем образом, ради реализации которого кредитор и вступал в сделку, может потенциально ставить вопрос о прекращении договора ввиду его тщетности⁹⁰. Отечественная судебная практика также нередко сталкивается со схожими ситуациями, когда после заключения договора изменяется правовой

⁸⁶ Суд именовал указанные в договоре основания для прекращения договора обстоятельствами непреодолимой силы, хотя, в сущности, применительно к обстоятельствам дела речь шла о форс-мажорной оговорке, а не об обстоятельствах непреодолимой силы в строгом смысле п. 3 ст. 401 ГК РФ.

⁸⁷ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.02.2015 по делу № А56-71546/2014.

⁸⁸ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2015 по делу № А56-71546/2014.

⁸⁹ Отдельные положения настоящего раздела ранее были опубликованы автором в статье: *Петрова Д. С.* Изменение правового режима объектов недвижимого имущества как частный случай отпадения цели договора по российскому праву // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* 2017. № 5 (188). С. 80–86.

⁹⁰ Подробнее см.: *Петрова Д. С.* Тщетность цели договора... С. 169–171.

режим недвижимого имущества, в результате чего использование объектов в соответствии с их предполагавшимся назначением становится невозможным.

Российский правоприменитель в целом⁹¹ склонен признавать изменение вида разрешенного использования земельного участка в качестве существенного изменения обстоятельств. «Целевое назначение в совокупности с видом разрешенного использования земельного участка является существенным фактором, определяющим правовой режим земельного участка и пределы осуществления прав на него»⁹². Изменение вида разрешенного использования земельного участка, влекущее за собой фактическую невозможность использования должником земельного участка таким образом, ради которого предоставлялся земельный участок, является основанием для расторжения договора ввиду существенного изменения обстоятельств⁹³. Сохранение договорных отношений применительно к новым внешним условиям становится бессмысленным, ведь должник не может использовать земельный участок в соответствии с тем его назначением, для реализации которого он приобретался⁹⁴. При этом цель использования объекта недвижимости, из которой исходил кредитор в момент заключения договора, без которой договор, в сущности, не имеет для него никакой ценности, представляет собой каузальный мотив к заключению договора. В той ситуации, когда у кредитора, несмотря на изменение правового режима земельного участка, тем не менее сохраняется возможность в целом использовать земельный участок изначально запланированным образом (хотя бы и с некоторыми корректировками и изменениями), российский суд не признает факта существенного изменения обстоятельств, а значит, и наличия оснований для прекращения договорных отношений.

В одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом Волго-Вятского округа, земельный участок был предоставлен в аренду должнику в целях «строительства административного комплекса с торговыми помещениями и подземной автостоянкой»⁹⁵. Однако в период действия договора изменились правовой режим застройки территории, градостроительный регламент и муниципальные нормативы градостроительного проектирования; в результате основным видом разрешенного использования спорного земельного участка стало его использование под здания многофункционального назначения с квартирами на верхних этажах. Суд не усмотрел в обстоятельствах дела факта существенности изменения обстоятельств, так как, несмотря на изменение обстановки, должник не был лишен применительно к новым обстоятельствам «возможности разработать проектную документацию по строительству административного комплекса с учетом понижения этажности, изменения площади и необходимого количества парковочных мест в соответствии с муниципальными нормативами»⁹⁶.

⁹¹ Вместе с тем отечественные суды не всегда рассматривают изменение вида разрешенного использования земельного участка как существенное изменение обстоятельств, придерживаясь в таких случаях приоритета поддержания стабильности гражданского оборота. См., напр.: Постановление ФАС Поволжского округа от 12.05.2011 по делу № А57-11104/2010.

⁹² Постановление АС Волго-Вятского округа от 24.03.2016 по делу № А79-4088/2015.

⁹³ См., напр.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 22.04.2009 по делу № А56-32209/2008; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.03.2012 по делу № А45-11474/2011; Постановление АС Волго-Вятского округа от 24.03.2016 по делу № А79-4088/2015; Апелляционное определение суда Еврейской автономной области от 16.05.2012 по делу № 33-203/2012.

⁹⁴ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.03.2012 по делу № А45-11474/2011.

⁹⁵ Постановление АС Волго-Вятского округа от 12.02.2015 по делу № А43-4295/2014.

⁹⁶ Там же. — См. также: Постановление АС Северо-Западного округа от 22.09.2016 № Ф07-6679/2016 по делу № А56-48447/2015.

Признание изменения вида разрешенного использования (которое выступает частным случаем более общей категории «изменение законодательства»⁹⁷), произошедшего после заключения договора, существенным изменением обстоятельств означает, что российская судебная практика вопреки общей тенденции неприменения института существенного изменения обстоятельств тем не менее рассматривает указанное изменение обстановки как событие:

- непредвидимое в момент заключения договора;
- внешнее по отношению к сторонам договора и им неподконтрольное;
- кардинальным образом влияющее на баланс имущественных интересов сторон договора и влекущее обременительность для сторон сохранения договора на неизменных условиях;
- риски наступления которого не были приняты на себя заинтересованной стороной.

Исходя из изложенного, цель договора как предполагаемые заинтересованной стороной на момент заключения договора способы использования тех благ, которые она получает в результате исполнения ее контрагентом договора, является юридически значимой. Отпадение цели договора, т. е. неосуществление каузального мотива, может служить основанием для расторжения (изменения) договора ввиду существенного изменения обстоятельств.

Подобный вывод, в сущности, был признан на уровне Верховного суда РФ. По результатам рассмотрения одного из дел⁹⁸ Верховный суд РФ указал, что «к недостаткам, препятствующим пользованию арендованным имуществом, могут быть отнесены не только физическое состояние объекта аренды, но и *юридическая невозможность использовать имущество по назначению и в целях, согласованных сторонами договора аренды* (курсив наш. — Д. П.)»⁹⁹. Причем именно изменение правового режима земельного участка, его разрешенного использования может привести к тому, что арендатор участка лишится возможности использовать его в целях, которые были согласованы при заключении договора аренды. В таком случае интересам арендатора отвечает изменение либо расторжение договора, ведь «иной подход означал бы возложение на арендатора обязанности уплачивать арендную плату по договору в отсутствие реальной возможности пользоваться объектом аренды по назначению»¹⁰⁰.

В рассматриваемом деле Верховный суд РФ посчитал возможным вести речь о расторжении договора по правилам ст. 620 ГК РФ на основании того, что имущество в силу обстоятельств, за которые арендатор не отвечает, окажется в состоянии, непригодном для использования. В то же время, если проанализировать

⁹⁷ В российской доктрине считается, что по общему правилу изменение законодательства не может считаться существенным изменением обстоятельств в смысле ст. 451 ГК РФ. См., напр.: *Попов Н. В.* Теоретические и практические вопросы изменения и расторжения гражданско-правового договора в связи с изменением обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский государственный институт интеллектуальной собственности Роспатента, 2008. С. 11; *Стародубцев К. Н.* Существенное изменение обстоятельств как основание изменения или расторжения договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский государственный институт интеллектуальной собственности Роспатента, 2005. С. 22–23. — См. также: Определение Верховного суда РФ от 28.06.2017 № 306-ЭС17-7929 по делу № А49-8048/2016; Постановление АС Московского округа от 27.02.2017 № Ф05-434/2017 по делу № А40-238801/15; Постановление АС Северо-Западного округа от 12.09.2017 № Ф04-3134/2017 по делу № А45-19041/2016.

⁹⁸ См. дело № А40-129910/2014.

⁹⁹ Определение Верховного суда РФ от 03.03.2016 по делу № 305-ЭС15-15053.

¹⁰⁰ Там же.

мотивы принятия решения Арбитражным судом города Москвы¹⁰¹, который в качестве суда первой инстанции рассматривал данное дело, то станет очевидным, что фактически суд опирался на нормы ст. 451 ГК РФ о существенном изменении обстоятельств.

2.2.3. Последствия отпадения цели договора в российском праве

В российском праве цель договора всегда традиционно отождествлялась с каузой сделки (*causa*)¹⁰². Так, Н. Л. Дювернуа под данным термином понимал цель или причину волеизъявления¹⁰³, разделяя при этом каузальность естественную и каузальность юридическую. Под первой понимается, в сущности, все многообразие мотивов, которые могут побудить сторону к вступлению в договор. Юридическая каузальность, приходящая на смену естественной каузальности, «определяет собой весь состав сделки со стороны ее содержания» и представляет собой «состав, для существа сделки необходимый, определяющий ее юридическую природу, ее особый характер, ее индивидуальность, наконец, стиль ее, т. е. внутренними признаками установленную особенность построения одной группы сделок в отличие от другой»¹⁰⁴.

О. В. Гутников указывает: «При совершении любой сделки ее участники руководствуются определенными целями и мотивами. Эти цели и мотивы не имеют юридического значения, если они не относятся в силу закона к тем типовым правовым результатам, которые свойственны для сделок данного вида. Если же цель или мотив составляют типовой правовой результат для сделки данного вида, они приобретают характер юридической цели (основания) для соответствующей сделки, которая на юридическом языке именуется каузой (от лат. “*causa*” — причина)»¹⁰⁵.

Осознавая всю сложность и неоднозначность проблемы понятия *causa* и ее правового значения, не претендуя в рамках настоящей работы на то, чтобы найти ответы на данные вопросы, укажем: *causa* в отечественном правопорядке связывается в первую очередь с правовой природой договора и наличием/отсутствием встречного предоставления¹⁰⁶. В рамках уже сложившейся традиции *causa* договора противопоставляется юридически безразличным мотивам заключения договора. Вместе с тем ранее мы вели речь о цели договора как предполагаемом в момент заключения договора использовании определенным образом тех благ, которые кредитор получит в результате исполнения обязательства его должником по договору. На основе вышеприведенного анализа судебной практики необходимо прийти к выводу, что российский правопорядок придает цели договора

¹⁰¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 22.01.2015 по делу № А40-129910/2014.

¹⁰² См., напр.: *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право. Общая часть. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1911; *Гражданское право: учебник*: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016 (автор главы — Ю. Б. Гонгало); *Ефимова Л. Г.* Абстрактные и каузальные обязательства и сделки в российском праве // *Вестник Высшего арбитражного суда РФ*. 2004. № 4. С. 121–131; *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Курс советского гражданского права. Общее учение об обязательстве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 60–65.

¹⁰³ *Дювернуа Н. Л.* Чтения по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Зерцало, 2004.

¹⁰⁴ Там же. С. 148–149.

¹⁰⁵ *Гражданское право: учебник*: в 2 т. Т. 1 / под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт; Инфра-М, 2006 (автор главы — О. В. Гутников). С. 192–193.

¹⁰⁶ См. напр.: *Кривцов А. С.* Абстрактные и материальные обязательства в римском и в современном гражданском праве. М.: Статут, 2003. С. 104–145; *Ломидзе Э. Ю.* Распределение между сторонами договора риска случайного недостижения цели. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 1–17. — См. также: *Полдников Д. Ю.* Договорные теории классического *ius commune*. С. 274–277.

в указанном ее понимании (т. е., по сути, мотиву вступления в договор) правовое значение.

Отнюдь не любое существующее у кредитора на момент вступления в сделку намерение в отношении использования подлежащего получению в результате исполнения договора блага признается влекущим правовые последствия по российскому праву. С нашей точки зрения, юридически значимой целью договора выступает лишь та цель, которая:

- выводима из условий и/или существа договора и фактических обстоятельств заключения договора (допустима как явно выраженная, так и подразумеваемая цель);
- каузальна, т. е. послужила ключевым фактором при принятии решения о вступлении в сделку.

Правовое значение цели договора состоит в том, что отпадение цели договора, произошедшее после его заключения в результате неподконтрольных и непредвидимых сторонам событий, должно отражаться на динамике заключенного договора. Наиболее адекватной концепцией, которая способна урегулировать последствия отпадения цели договора, с нашей точки зрения, выступают правила ст. 451 ГК РФ. Данные нормы по своей правовой природе рассчитаны на ситуации последующего неподконтрольного сторонам изменения ситуации, которое влияет на баланс имущественных интересов сторон. Отпадение цели договора в ранее обозначенном его понимании отвечает всем признакам кардинально изменившейся обстановки.

Соответственно, отпадение цели договора по российскому праву как частный случай существенного изменения обстоятельств приводит к возможности расторжения (изменения) договора в порядке, предусмотренном ст. 451 ГК РФ. Прекращение договорной связи приведет к возвращению объекта спорного договора в гражданский оборот, что отвечает интересам не только кредитора, но и всех третьих лиц, и оборота как такового. Изменение договора вследствие отпадения его цели допустимо в качестве исключения только в ситуациях, поименованных в п. 4 ст. 451 ГК РФ.

Заключение

Расторжение (изменение) договора ввиду существенного изменения обстоятельств как последствие отпадения цели договора является не единственным случаем, когда российский законодатель, равно как и немецкий, признает правовое значение за мотивами вступления в сделку. Мотив учитывается также при оценке наличия оснований для оспаривания сделки ввиду существенного заблуждения — в ситуации ошибки в предмете сделки, а также ошибки в обстоятельствах, исходя из которых заключается договор.

Ошибки в мотиве или последующего неосуществления мотива самих по себе недостаточно для того, чтобы оспорить сделку или расторгнуть (изменить) договор соответственно. Только мотиву, имеющему каузальный характер, т. е. без которого договор не был бы заключен вовсе на соответствующих условиях, в российском правопорядке придается правовое значение. С экономической точки зрения каузальный характер мотива предполагает, что ошибка в нем или его неосуществление влекут нарушение баланса в соотношении имущественных интересов сторон и невыгодность сохранения сделки с учетом новых обстоятельств¹⁰⁷.

¹⁰⁷ См., напр.: Байбак В. В., Карапетов А. Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ... С. 74–75.

Более того, сближение правовых режимов оспаривания сделки, совершенной под влиянием заблуждения в мотиве, и расторжения (изменения) договора ввиду отпадения цели договора как существенного изменения обстоятельств также применяется применительно к российскому праву в последствиях эффективного оспаривания такой сделки или «обнаружения» неосуществления мотива. Если говорить об оспаривании сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения, то в качестве своего рода альтернативы прекращению договора в результате его оспаривания п. 4 ст. 178 ГК РФ допускает сохранение договора в силе на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действовавшая под влиянием заблуждения, при условии что другая сторона выразит согласие на сохранение силы сделки. В свою очередь, последствием существенного изменения обстоятельств также может быть не только прекращение договора, но и сохранение договора в силе на измененных условиях (п. 4 ст. 451 ГК РФ).

В английском праве цель договора может иметь правовое значение, а ее отпадение влечь прекращение договора в силу концепции *frustration of purpose*, если она была для одной из сторон причиной вступления в соглашение, а для другой обстоятельством, которое не просто известно, но влияет на ее условия. Иными словами, без предположения стороны о возможности реализовать после заключения договора его цель договор не был бы в принципе заключен на его условиях этой стороной. С учетом того, что цель договора в английском праве применительно к доктрине тщетности цели договора представляет собой предполагаемые кредитором в момент заключения договора способы использования тех благ, которые он получит от должника в результате исполнения договора, необходимо прийти к выводу, что цель договора представляет собой мотив к его заключению. При этом применительно к концепции *frustration of purpose* цель имеет правовое значение, и ее отпадение может повлечь прекращение договора только в случае, если она имеет каузальный характер.

На основании вышеизложенного и английское право, и российский правопорядок (вслед за немецким) в ряде случаев наделяют мотив правовым значением, что неизбежно отражается на динамике заключенного договора. Речь идет о ситуациях отпадения цели договора как частном случае существенного изменения обстоятельств в российском праве или концепции тщетности цели договора в английском праве. Вместе с тем говорить о прекращении (изменении) договора и оценивать наличие правовых оснований для такового ввиду отпадения цели договора можно только в том случае, если после заключения договора имело место неосуществление каузального мотива вступления стороны в сделку.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2020 г.
Рекомендована в печать 12 января 2021 г.

Causal motive and its legal significance in contract law

Daria S. Petrova

For citation: Petrova, Daria S. 2020. Causal motive and its legal significance in contract law. *Pravovedenie* 64 (3): 373–399. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.304> (In Russian)

The author of this article analyses the problem of motives for entering into a contract and their legal significance and systematically considers the impact of an error in motive on the legal validity of a contract in German law as well as in Russian law. In German law, an error in the properties of a person or an object is regarded by some experts as a mistake in the motive that testifies to its legal significance. In Russian law, in addition to an error in the object, the mistake in the motive is an error in regard to a circumstance that a party mentions in its expressed will

or on which it bases itself evidently to another party when entering into a contract. The article also explores situations of subsequent failure to fulfill the motive in light of national (German and Russian) doctrines of the influence of a subsequent change of circumstances on the contract's fate. The author concludes that the criterion which make it possible to distinguish a legally relevant motive from motives that have no legal significance is characteristic of the causality of the motive. The causality of the motive presumes that such a motive served as a key factor in predetermining the decision of the interested party to enter into a contract. It is the error in the causal motive or its subsequent non-implementation that affects the dynamics of the contract and it can lead to the effective avoidance of a contract or its termination (alteration) accordingly. The author also compares the consequences of non-implementation of a motive in civil law and the English doctrine "frustration of purpose". In English law, non-implementation of a motive according to the doctrine of "frustration of purpose" leads to the automatic termination of a contract. On the basis of mentioned research, the author concludes that the common criterion in civil and English law that stipulates the legal effect of the error in motive or its non-implementation is the causality of the motive.

Keywords: contract, contractual obligations, motive, error, error in motive, change of circumstances, termination of a contract, alteration of a contract.

References

- Baibak, Vsevolod V., Karapetov, Artem G. 2017. Analysis of problematic issues of application of art. 178 of the Civil Code of the Russian Federation on avoidance of contract due to the mistake. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiiia Rossiiskoi Federatsii* 9: 70–102. (In Russian)
- Baranauskas, Egidijus, Zapolskis, Paulius. 2009. The effect of change in circumstances on the performance of contract. *Jurisprudence* 4 (118): 197–214.
- Birks, Peter. 2014. *The Roman law of obligations*. Oxford, Oxford University Press.
- Brunner, Christoph. 2009. *Force majeure and hardship under general contract principles: Exemption of non-performance in international arbitration*. Austin, Boston, Chicago, New York, The Netherlands, Kluwer Law International.
- Cohn, Ernst J. 1946. Frustration of contract in German law. *Journal of Comparative Legislation and International Law* 28 (3/4): 15–25.
- Dastis, Juan Carlos M. 2015. Change of Circumstances (Section 313 BGB) Trigger for the Next Financial Crisis? *European Review of Private Law* 23 (1). *Max Planck Private Law Research Paper* 15/10: 92–99.
- Duvernois, Nikolai L. 2004. *Collections on civil law*. In 2 vols, vol. 2. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Dozhdev, Dmitrii V. 2018. Adaptation and rescission of contract due to the fundamental change of the circumstances: European civilian tradition and modern trends. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* 13 (1): 103–121. (In Russian)
- Dozhdev, Dmitrii V. 2018. Adaptation and rescission of contract due to the fundamental change of the circumstances: European civilian tradition and modern trends. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* 13 (2): 143–172. (In Russian)
- Efimova, Liudmila G. 2004. Abstract and causal obligations and bargains in Russian law. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii* 4: 121–131. (In Russian)
- Egorov, Andrei V. (ed.). 2012. *Actual problems of civil law: Collection of works by graduates of the Russian School of Private Law 2009*. Moscow, Statut Publ.
- Em, Vladimir S., Tiutriumov, Igor M. (eds). 2004. *Laws civil. Second book*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Fed'ko, Aleksei G. 2012. Invalidity of bargains, concluded under the influence of mistake. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik rabot vypusknikov Rossiiskoi shkoly chastnogo prava 2009 goda*, ed. by Andrei V. Egorov: 96–123. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Gambarov, Iurii S. 1911. *Civil law. General part*. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasyulevicha Publ. (In Russian)
- Gibbon, William. 1948. Discharge of contract by frustration. *University of New Brunswick Law School Journal* 2 (1): 12–27.
- Gongalo, Bronislav M. (ed.). 2016. *Civil law: textbook*. In 2 vols, vol. 1. Moscow, Statut Publ. (In Russian)

- Gordley, James. 2009. Mistake in contract formation. Rus. ed. *Vestnik grazhdanskogo prava* 4: 235–276. (In Russian)
- Grimm, David D. 2003. *Lectures on the doctrine of Roman law*. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Hay, Peter. 1961. Frustration and its solution in German law. *The American Journal of Comparative Law* 10 (4): 345–373.
- Hondius, Ewoud, Grigoleit, Hans C. (eds). 2011. *Unexpected circumstances in European contract law*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Johnston, Angus, Markesinis, Basil S., Unberath, Hannes. 2006. *The German law of contract: A comparative treatise*. 2nd ed. Oxford, Hart Publ.
- Karapetov, Artem G. (ed.). 2018. *Bargains, agency, limits of action: clause-by-clause commentary to the articles 153–208 of the Civil code of Russian Federation*. Moscow, M-Logos Publ. (In Russian)
- Kötz, Hein. 2017. *European contract law*. 2nd ed. London, Oxford University Press.
- Kozlova, Natal'ia V., Iagel'nitskii, Aleksandr A. 2010. Termination of a civil contract in connection with significant change of circumstances. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo* 3: 35–51. (In Russian)
- Krivtsov, Aleksandr S. 2003. *Abstract and material obligations in Roman and modern civil law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Lomidze, Eduard Iu. 2011. *Distribution of the risk of accidental non-achievement of a purpose between parties of a contract*. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (In Russian)
- Lowisch, Manfred. 2003. New law of obligations in Germany. *Ritsumeikan Law Review* 20: 141–156.
- Luk'ianenko, Marina F. 2010. *Estimated terms of civil law: reasonableness, good faith, significance*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Luzgina, Aleksandra V. 2012. Objective impediments to the fulfillment of a contract in the law of England, France, Germany. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik rabot vypusknikov Rossiiskoi shkoly chastnogo prava 2009 goda*, ed. by Andrei V. Egorov, 300–316. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- McKendrick, Ewan. 2000. *Contract law*. London, Macmillan Press Ltd.
- Nazykov, Artem L. 2007. "Clausula rebus sic stantibus" and its reception in Russian civil law. PhD Thesis in Law. South Federal University. (In Russian)
- Novitskii, Ivan B. 1954. *Bargains. Limitation of action*. Moscow, Gosizurizdat Publ. (In Russian)
- Novitskii, Ivan B. 2007. *Foundations of Roman civil law*. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Novitskii, Ivan B., Lunts, Lazar' A. 1950. *The course of the Soviet civil law. The common theory of obligations*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Novitskii, Ivan B., Pereterskii, Ivan S. (eds). 2004. *Roman civil law*. Moscow, Iurist' Publ. (In Russian)
- Petrova, Daria S. 2017. Change of the legal regime of the real property as the special case of frustration of purpose of the contract in Russian law. *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii* 5 (188): 80–86. (In Russian)
- Petrova, Daria S. 2017. Frustration of purpose as the special case of frustration of a contract in English law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF* 12: 158–173. (In Russian)
- Poldnikov, Dmitrii Iu. 2011. *Contractual theories in the classic period of ius commune (13th–16th centuries)*. Moscow, Academia. (In Russian)
- Poldnikov, Dmitrii Iu. 2015. The origins of the clause of constancy of circumstances (clausula rebus sic stantibus) in the doctrine of ius commune jurists. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo* 3: 22–34. (In Russian)
- Popov, Nikolai V. 2008. Theoretical and practical issues of alteration and termination of a civil contract in connection with change of circumstances. PhD diss. Rossiiskii gosudarstvennyi institut intellektual'noi sobstvennosti Rospatenta. (In Russian)
- Rasteriaev, Nikolai. 1900. *Invalidity of legal bargains in Russian law. Part general and part special: dogmatic research*. St. Petersburg, Obshchestvennaia Pol'za Publ. (In Russian)
- Rosler, Hannes. 2007. Hardship in German codified private law — in comparative perspective to English, French and international contract law. *European Review of Private Law* 15 (4): 483–513.
- Rudokvas, Anton D. 2017. Some problems of application of the article 431.2 of the Civil code of the Russian Federation due to the principle of good faith. *Vestnik grazhdanskogo prava* 2: 31–47. (In Russian)

- Sadikov, Oleg N. (ed.). 2006. *Civil law: textbook*. In 2 vols, vol. 1. Moscow, Kontrakt Publ, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Sanfilippo, Chezare. 2007. *The course of Roman civil law*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Savigny, Friedrich C. von. 2012. *The system of modern Roman law*. Rus. ed. In 8 vols, vol. II. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Schapp, Jan. 2006. *The system of German civil law*. Rus. ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Shavaleev, Mikhail V. 2017. Contract law in the time of economic instability: How a substantial change of circumstances affects obligatory force of a contract. *Zakon* 1: 110–121. (In Russian)
- Schermaier, Martin J. 2015. The doctrine of mistake in the European legal thought. Rus. ed. *Zakon* 9: 188–206. (In Russian)
- Shmidt-Rimpler, Walter. 2016. On the issue of basis of legal transaction. *Vestnik grazhdanskogo prava* 5: 212–247. (In Russian)
- Starodubtsev, Konstantin N. 2005. Significant change of circumstances as the ground for alteration or termination of a contract. PhD Thesis in Law. Rossiiskii gosudarstvennyi institut intellektual'noi sobstvennosti Rospatenta. (In Russian)
- Treitel, Guenter H. 2004. Frustration and force majeure. 2nd ed. London, Sweet & Maxwell.
- Treitel, Guenter H. 2011. The law of contract. 13th ed. London, Sweet & Maxwell.
- Windscheid, Bernhard. 1874. *The textbook of Pandects Law*. Vol. 1. *General part*. Rus. ed. St. Petersburg, Gieroglifov i Nikiforov Publ. (In Russian)
- Zagorovskii, Aleksandr. 1890. Duress, mistake and fraud and its influence to the legal bargain. *Iuridicheskii vestnik* 1: 3–21. (In Russian)
- Zeits, Aleksandr G. 1928. *The influence of a change of conditions to the force of contracts*. Irkutsk, Izd-vo Irkutskoi sekeksii nauchnykh rabotnikov Publ.
- Zezevalo, Aleksandr Iu. 2008. Mistake in significant characteristics of the object of a bargain. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda RF* 3: 28–43. (In Russian)
- Zezevalo, Aleksandr Iu. 2011. *Mistake in concluding a bargain*. Tomsk, Tomskii Universitet Publ. (In Russian)
- Zezevalo, Aleksandr Iu. 2015. What's new in the rules on the invalidity of legal transactions made under mistake. *Zakon* 9: 73–88. (In Russian)
- Zimmermann, Reinhard. 1990. *The law of obligations. Roman foundations of the civilian tradition*. Cape Town, Juta & Co, Ltd.
- Zweigert, Konrad, Kötz, Hein. 2000. *Introduction to comparative jurisprudence in the sphere of private law*. In 2 vols, vol. 2. Rus. ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)

Received: March 19, 2020
Accepted: January 12, 2021

Daria S. Petrova — private practice lawyer, 14, Dunaisky pr., St. Petersburg, 196158, Russian Federation; petrova_d_s@mail.ru